

ЭКСПЕРТ

14 – 20 СЕНТЯБРЯ 2009 № 35 (672)

ISSN 1812-1896

09035

9 771812 189009

РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЦЕНА — 55 РУБЛЕЙ

WWW.EXPERT.RU

ИНДЕКСЫ: 72550, 47338, 48901, 48902, 44147, 44148

ШАЛТАЙ-БОЛТАЙ ГЛОБАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА

Фундаментальная статья
Иммануила Валлерстайна
о причинах мирового кризиса
и борьбе за новый мировой порядок

стр. 48

Годовщина банкротства Lehman Brothers
Каким будет российский «город будущего»

стр. 17

стр. 34

Трехглавый Купидон

В Москве стартовала 3-я Биеннале современного искусства. Как и всякое мероприятие такого рода, она по определению необозрима, и единственное подспорье для навигации в этом арт-потоке — имена. Особенно если эти имена известные, такие как Юрий Альберт, Виктор Скерсис и Андрей Филиппов — художники, с чьими работами связан большой отрезок истории московского концептуализма.

Одна интрига их выставки «Художник и его модель», проходящей на площадках Stella Art Foundation, заключается в том, что сегодня это вовсе не три разных и совершенно не похожих друг на друга художника, а группа с игривым названием «Купидон» — коллективный автор одного проекта. Другая скрыта в его названии: под словами «Художник и его модель», которые ассоциируются с творцом, вышедшим взглядом в свою натурщицу, подразумевается совсем иное — художник и его представление о том, что такое искусство. Интрига третья и главная — концептуализм здесь разоблачает себя как искусство холодное и презирающее эмоции.

Пресподать аналитические, а не эмоциональные цели — фирменный метод концептуализма. Текст превалирует над изображением, бесконечная наукообразная рефлексия — над импровизацией и тем, что называет образным воздействием. Образ концептуализм вообще не приемлет, считая, что все это «от лукавого», то

есть от старого искусства, которое якобы зареабитовалось, производя бесконечные изобразительные штампы. Концептуализм — это лишь для чужа, а для ума, причем лишь холодная, твердая, намеренно неудобоваримая. За это он с самого начала (которое приходится на 70-е годы прошлого века) снискал устойчивую репутацию искусства для очень-очень избранных, обладающих неким тайным аппаратиком для перемалывания эстетических смыслов, и недружелюбного по отношению к публике вообще. Художники, причисляющие себя к данному направлению, много сделали для взраждения этого мифа, заставив не одного человека вынести себе несправедливый приговор: «Я ничего не понимаю в современном искусстве».

Нетрудно предположить, что коллективное произведение «Купидона» должно быть того же рода. Но предположение это рассеивается еще до того, как оказываешься в зале. В обранной комнате в витрине стоит плазменный экран, на котором крутится видео: три художника «купидона» сидят рядком, и подтыкая себе на импровизированных гармошках (что вроде книжек-раскладушек), поют частушки. Вдоль витрины за стеклом выстроилась процессия белых зайцев (Скерсис вырезал их силуэты из фанеры). Возглавляет процессию и замыкают ее два забавных музыканта (тоже силуэты, но не белые, а цветные), словно сошедшие со страниц старого журнала «Крокодил». После

«Три Купидона» (Андрей Филиппов, Виктор Скерсис, Юрий Альберт). Зеркало и инсталляция в Stella Art Foundation

встречи в веселой компании попадаешь в зал и оказываешься на берегу омута. Омут — это бассейн, который Андрей Филиппов расположил в центре зала. Перейти его невозможно, можно только обойти — либо с одной стороны «по бережку», либо с другой — по брезну. Из омута торчат кушачки, роль которых исполняют газовые горелки, светящиеся, как им и полагается, синим пламенем. На другом берегу омута — деревянные домики, в каждом из которых мог бы поместиться длинный, но не толстый великан. Эти домики их автор Виктор Скерсис назвал «исповедальнями», но рядом с одной из скорее напоминают кабинки, в которых передается на пляже. В общем, эти домики для чего-то тайного, для чужих глаз и ушей не предназначенного. А если пробираться к кабинкам-исповедальням по берегу омута, то волей-неволей уткнешься носом в разные высказывания, компактно выложенные буквами по периметру стен. Высказывания принадлежат Юрию Альберту — самому «теоретичному» из всех трех, и в них то похвала коллегам («У Виктора Скер-

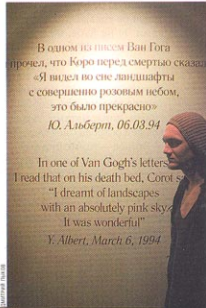
сиса все просто, но я ему почему-то завидую»), то обеще соображения об искусстве. В сочетании с этими домиками и кушачками-кофорками (отсылающими, кстати сказать, не к чему-нибудь, а к циклу «Кушачки» Клода Моне) все это создает впечатление, что художники только для вида надувают щеки и толкуют о разных глубокомысленных вещах, сами же веселятся, словно со стороны поглядывая на себя и свою «модель» искусства. А в «модели» зтой живут они сами, окруженные зайцами, как деды Мазы. Тут же — тихий омут, где водится всем известное что, и пляжные кабинки, которые в купальный сезон смешные, потому что как будто стоят на стрезанных человеческих ножках, и не в купальный сезон тоже смешные, потому что уж очень жалкие. И среди всего этого парят глубокомысленные сентенции, которые страдны своей непонятностью не более чем зайцы.

Что здесь, спрашивается, не понять? Это сеанс магии с бонусом в виде немедленного и веселого разоблачения.

■ Юлия Попова

Пруд с кушачками Андрея Филиппова, «буки-исповедальни» Виктора Скерсиса и концептуальные тексты Юрия Альберта на выставке «Show and tell: Художник и его модель»

В одном из писем Ван Гога проедал, что Кору перед смертью сказал: «Я видел во сне ландшафт с совершенно розовым небом, это было прекрасно»

Ю. Альберт, 06.03.94

In one of Van Gogh's letters I read that on his death bed, Corot said: "I dreamt of landscapes with an absolutely pink sky. It was wonderful"

Y. Albert, March 6, 1994